
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ИЗУЧЕНИИ

УДК 821.161.1-14.09«20»

Т.В. Федосеева

ОНТОЛОГИЯ ЛЮБВИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО ¹

В статье впервые анализируется любовная лирика Я.П. Полонского раннего периода творчества (1840-х – начала 1850-х годов) в аспекте выраженного в ней онтологического содержания. На материале лирических сборников «Гаммы» (1844), «Стихотворения 1845 года» (1846), «Сазандар» (1849), «Несколько стихотворений Я.П. Полонского» (1851) исследуется особенность творческого преобразования жизненных впечатлений в художественный образ, наполненный бытийными и онтологическими смыслами. Любовь для самого Полонского и его лирического героя стоит в одном ряду с вопросами жизни и смерти, временного и вечного, сиюминутного и непреходящего. Поэтическому выражению романтической любви служат мотивы классической литературы и образы мировой культуры («Пришли и стали тени ночи...», «Диамея»). В ходе анализа лирического сюжета несобранного цикла – «Прощай», «Маяк», «Последний разговор», «Старый сазандар», «Утрата» – выделяются мотивы невысказанного чувства, недостижимости счастья, утаенной любви. Романтической любви в стихах Полонского противостоит эгоистическая («Не жди», «Агбар», «На пути из-за Кавказа»). Значение любви в лирике Я.П. Полонского анализируемого периода близко к христианскому самоотвержению, чуждо идее присвоения личности другого. История любви в стихотворении «Тамара и певец ее Шота Руставль» служит образному воплощению надмирной и надисторической сущности любви. Целиком на евангельских мотивах построено стихотворение «Внутренний голос». Онтологический комментарий любовной лирики поэта осуществляется в статье с учетом ведущих категорий художественного мышления автора: идеи гуманизма, приятия повседневности, одухотворения жизненных реалий. Сделан вывод о том, что онтология любви в ранней лирике Полонского определяется движением души к идеалу и поиском абсолютной гармонии.

Я.П. Полонский, ранний период творчества, лирические сборники 1840-х – начала 1850-х годов, лирические мотивы и сюжеты, онтология любви.

Ранний период творчества Я.П. Полонского, условно определяемый нами границами 1840-х – начала 1850-х годов, включает в себя три важных биографических этапа: обучение в Московском университете (1838–1844), двухлетнее пребывание в Одессе (1845–1846), служба на Кавказе (1846–1851). Начало этого периода определяется моментом первой значительной публикации поэта в сентябрьском номере журнала «Отечественные записки» (стихотворение «Священный благовест торжественно звучит...»). Окончание – выходом в Тифлисе сборника «Несколько стихотворений Я.П. Полонского» (1851) и отъездом с Кавказа, сначала в Рязань и Москву, а затем – в Петербург, где Полонский приобрел известность как поэт и его зрелое творчество было отмечено открывающим данный период сборником «Стихотворения» (1855).

Вопрос об онтологических смыслах любовной лирики Я.П. Полонского до настоящего времени отдельно не рассматривался. В немногочисленных монографических исследованиях творчества поэта любовная лирика изучалась в ряду других тематических блоков – природы,

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 17-04-00501а «Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий» на 2017 год.

истории, патриотической, гражданской и др.² На онтологический уровень анализа выходят современные исследователи, комментируя отдельные лирические произведения поэта с точки зрения символического значения темы родины, мотива тишины, образа моря³. Применяя к творчеству Я.П. Полонского онтологическую методологию, мы опираемся на современный опыт теоретического определения нового для отечественной науки о литературе подхода⁴, а также – на опыт практического его использования по отношению к близкому лирике поэта литературному материалу⁵.

Целью настоящего исследования является уточнение сущностного значения любовной темы, явившейся одной из основных в ранней лирике Я.П. Полонского. Ее достижению служит онтологический комментарий и интерпретация ряда лирических произведений поэта в биографическом контексте путем выделения в поэтическом мире лирического корпуса ранней лирики сюжетов, мотивов, образов-символов, деталей, содержательно значимых для прояснения не явно выраженных смыслов. Осуществляя исследование, мы отталкиваемся от утверждения Б.М. Эйхенбаума о том, что «теория знания художественного не может развиваться вне онтологии, т.е. теории самого предмета или бытия»⁶, и имеем в виду сформулированную Л.В. Карасёвым мысль о том, что цель онтологического прочтения литературно-художественного произведения состоит в том, чтобы увидеть в нем «его бытийную основу, его исходный смысл»⁷. В ходе такого прочтения устанавливается выход художника слова на уровень постижения философских категорий жизни, смерти, бессмертия. В его результате уточняется глубинное существо личности автора, устанавливаются особенности его мировосприятия, специфика ценностных ориентаций, отношение к вечным вопросам бытия, один из которых – любовь. Анализ текстов мы осуществляем с применением подходов «онтологической поэтики», которая, по определению Л.В. Карасёва, служит «реконструкции предполагаемого универсального смысла или смыслов, проявляющих себя в ряде вариантов (иноформ), похожих или мало похожих друг на друга, но обладающих несомненным внутренним единством»⁸. Средства художественной выразительности литературно-художественного текста, такие его конструктивно-содержательные единицы, как мотив, сюжет, образ, деталь, символ, выступают в нашем анализе в качестве иноформ, продуцирующих в мир произведения «исходные смыслы» бытия.

Став участником литературного процесса в 1840-х годах, как лирический поэт Я.П. Полонский развивался в русле унаследованной поэтами-современниками – Ф.И. Тютчевым, А.К. Толстым, А.Н. Майковым, А.А. Фетом, А.А. Григорьевым – романтической традиции. В русской романтической лирике сущность любовного чувства и любовных отношений сводилась к цели полного единения душ. Однако это единение не предполагало внутреннего развития индивидуума – романтик сосредоточен на себе в отношении к идеалу, и в другом, объекте своей любви, видит воплощение этого идеала. Русская литература философского романтизма 1830-х годов в творчестве М.Ю. Лермонтова, Е.А. Баратынского, В.Ф. Одоевского показала трагизм подобной ситуации, трагедию судьбы, поставленной в зависимость от обреченного на неудачу стремления достичь идеала, недостижимого в действительной жизни.

Романтическое сознание русских поэтов середины – второй половины XIX века эволюционировало под воздействием идеи развивающейся человеческой личности. На смену герою, внутренне статичному и сосредоточенному на общих идеях и абсолютных максимах,

---

² См.: Орлов П.А. Я.П. Полонский. Критико-биографический очерк. Рязань, 1961. С. 60–83; Лагунов А.И. Лирика Якова Полонского. Ставрополь: Ряз. кн. изд-во, 1974. 125 с.; Тхоржевский С.С. Высокая лестница // Портреты пером: Исторические повести. Л., 1984. С. 363–542; Фридлянд В.Г. Поэт сердечной и гражданской тревоги // Полонский Я.П. Стихотворения и поэмы. М., 1986. С. 3–26.

³ Иваницкий А.И. Онтология моря в русских поэтических системах. Воронеж: Научная книга, 2014. С. 78–98; Его же. О смыслах «любовного мореплавания» в русской поэзии «чистого искусства» // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха: сб. ст. Рязань, 2015. С. 160–179; Моклецова И.В. О Родине и о себе: молитвенные размышления Я.П. Полонского // Там же. С. 7–17; Федянова Г.В., Баталова Т.П. Стихотворение Я.П. Полонского «На Черном море»: мотив «тишины» в литературной перспективе // Там же. С. 180–187.

⁴ Карасёв Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М.: РГГУ, 1995. Вып. 9. URL: <http://ivgi.rsu.ru/print.html?id=2135777>; Эпштейн М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы. М., 2006. 559 с.; Леонтьев Д.А. Онтология любви: за пределами слова и чувства // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / сост. М.А. Козлова. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 71–102.

⁵ Эпштейн М.Н. Онтология любви: Эдем в Песни песней // Звезда. 2008. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/3/ep15.html>; Исаупов К.Г. Ф.И. Тютчев: поэтическая онтология и эстетика истории // Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: Рус. христиан. гуманитар. акад., 2010. С. 160–197; Нефёдова Л.К. Онтология поэтического слова Артюра Рембо: моногр. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 130 с.

⁶ Эйхенбаум Б.М. Письма Тютчева // Сквозь литературу: сб. ст. Л.: Academia, 1924. С. 51.

⁷ Карасёв Л.В. Гоголь и онтологический вопрос // Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 47.

⁸ Карасёв Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. С. 5.

приходит образ находящегося в динамическом развитии духовных, интеллектуальных, нравственных потребностей человека. Любовь была осознана как мощная жизнестроительная сила и, одновременно, трагическая – значение которой очень точно выражено стихами Ф.И. Тютчева: «Любовь, любовь – гласит преданье – / Союз души с душой родной – / Их съединенье, сочетанье, / И роковое их слиянье. / И... поединок роковой... (1851 – начало 1852 года). Поэзия Тютчева в целом отличается философичностью, а воссозданная им картина мира бытийная и, по наблюдениям современного петербургского философа К.Г. Исупова, осуществлена в смыслообразах «‘сон’, ‘ирония’, ‘ничто’, ‘память’, ‘эрос’, ‘число’, ‘свобода’, ‘судьба’, ‘цвет’ и ‘свет’, ‘хаос’ и ‘порядок’»⁹. Исследователь справедливо замечает динамичный характер выделенных смыслообразов, которые «живут напряженной жизнью бытийных корреляций, сопряжений и отталкиваний»¹⁰.

Не только в творчестве Ф.И. Тютчева, но и в произведениях любовной лирики других поэтов рассматриваемого нами периода передавались тончайшие нюансы переживаний и размышлений влюбленного, убедительно показана трагедия разделенных обстоятельствами или отсутствием понимания душ и динамика взаимного стремления к пониманию, а не простому присвоению чувств другого.

О стремлении понять предмет сердечного влечения – у Л.А. Мея:

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовью своей,
Он день и ночь в огне – он плачет и ревнует...
И только... Отчего – не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить? (1844)

О радости единения душ – у А.Н. Апухтина:

Когда так радостно в объятиях твоих
Я забывал весь мир с его волненьем шумным,
О будущем тогда не думал я. В тот миг
Я полон был тобой да счастьем безумным (1859).

О счастье состоявшегося диалога – у А.К. Толстого:

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты –
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна (1851–1852).

О любви как способности услышать другого – у А.А. Фета:

Если ты любишь, как я, бесконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь,
Руку на грудь положи мне беспечно:
Сердца биенья под нею услышишь (1859).

В этой жажде диалога и душевной гармонии русские поэты, несомненно, как и во многом другом, предвосхищали XX век. Романтический идеал соединения с «душой родной» был осмыслен уже в первой половине XX века христианским мыслителем и философом культуры Паулем Тиллихом как воссоединение родственных душ, а не простое соединение наделенных сознанием индивидуумов. Он писал: «Осуществление любви и ее победа состоят в том, что она способна *воссоединить* живые существа, разделенные самым радикальным образом, а именно индивидуальные личности. <...> Любовь проявляет себя как величайшая сила там, где она преодолевает величайшее разделение» (выделено нами. – Т. Ф.)¹¹. Русская поэзия середины и второй половины XIX века дала многогранное представление о любви в стремлении любящих к такому воссоединению и преодолению одиночества человека, преодолению эгоистической страсти и

⁹ Исупов К.Г. Ф.И. Тютчев: поэтическая онтология и эстетика истории. С. 160.

¹⁰ Там же.

¹¹ Тиллих П. Любовь, сила и справедливость. Онтологический анализ и применение к этике. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 128 с. URL : <http://fictionbook.ru/static/trials/12/15/67/12156775.a4.pdf>

трагизма разъединенности, тоски одиночества и невозможности достижения абсолютной гармонии отношений.

При всем разнообразии стихотворных форм выражения любви, определяемых творческим сознанием автора и его ценностным миром, нельзя не признать, что многое в лирическом мире обусловлено объективными конкретно-историческими факторами: представлениями о любви и – шире – ценностями жизни, сложившимися в среде, из которой вышел поэт, образованием, кругом живого общения – всем тем, что Л.Я. Гинзбург называла «общественным сознанием эпохи»¹². В этом соотношении субъективного и объективного и осмысливается современными исследователями лирика Я.П. Полонского. В творческой эволюции поэта И.С. Назаровой справедливо замечено, что и первая лирическая книга «Гаммы», при явно выраженной «аллюзивности» лермонтовскому творчеству, и, тем более, – последующие, прежде всего «Сазандар», – демонстрируют развитие «индивидуального художественного мира» автора¹³.

Я.П. Полонским любовь изначально мыслилась как идеальная категория. В его воспоминаниях нередко признания в необычайной влюбчивости и эстетическом восприятии объекта симпатии. Так, поэт описывал один из дней своего детства, проведенный в обществе обожаемой им девочки: «Целый день высочайшего эстетического наслаждения, целый день сладкой тревоги и боязни каким-нибудь глупым словом или резким движением оскорбить или обеспокоить мое маленькое божество, такое свежее, милое и нарядно-воздушное!»¹⁴. В дальнейшем живые впечатления встреч и расставаний, нередко проходящих, не имевших какого-то существенного значения в судьбе поэта, становились поводом к написанию стихотворений с выражением пережитого им восхищения женской красотой, преклонением перед ней, стремлением к обожествлению предмета любования. Об этом особом отношении он писал: «Не могу забыть и не могу не смеяться, что даже в те младенческие годы всякая женская красота и даже миловидность производили на меня особенное впечатление, как бы влекли к себе»¹⁵. В воспоминаниях студенческих лет сохранилась характерная для Полонского запись о посещении усадьбы товарища по гимназии Александра Барятинского. В центре этого небольшого эпизода оказалась прекрасная женщина – безымянная сестра хозяина дома. Полонский отмечает прежде всего душевную красоту женщины, он называет ее «простой», «милой», замечает, что «добрая улыбка не сходила с лица ее»¹⁶. Впечатление от непродолжительного общения вылилось в возвышенное духовно-эстетическое переживание: «На нее смотрел я с затаенным, почти религиозным благоговением. Можно восторженно смотреть на Сикстинскую Мадонну, но разве возможно влюбиться в нее или за ней ухаживать?» (т. II, с. 426). Такого рода впечатлениями, судя по всему, была богата и одесская жизнь Полонского. Поэт вошел в круг общения интеллектуальной и культурной элиты города, где выделялись воспетая в стихах А.С. Пушкина красавица Елизавета Воронцова и молодая жена австрийского консула Людвиг Гутмансталя Мария (урожденная Зонтаг-Юшкова).

Вполне в духе Полонского, восхищавшегося женской красотой, стихотворение «Диамея» (1844) с портретом прекрасной женщины: «О, скажи мне одно только, кем из богов / Ты была создана? кто провел эту бровь? / Кто зажег этот взгляд? кто дал волю кудрям / Так роскошно змеиться по белым плечам?» (т. I, с. 37). Образ красавицы обожествляется и содержит намеки на поклонение античным богам и богиням: «...я должен из мрамора храм / Возвести на холме и возжечь фимиам!». Название стихотворения с трудом поддается истолкованию, однако в нем можно видеть намек на имя богини Дианы, сестры Аполлона, изображавшейся с пышными рассыпанными по плечам волосами. Также можно предположить связь с именем Деидамия, возлюбленной героя Троянской войны Ахилла.

Будучи в 1838–1844 годах студентом Московского университета, Полонский, от природы склонный к мечтанию и фантазированию, испытал сильное воздействие идеалистической философской школы, утвердившейся к тому времени в образовательной системе университета. Поэт писал о своих сверстниках: «...мы все были идеалистами» (т. II, с. 417). Это были студенты-гуманитарии, воспринявшие мировоззренческую базу от «молодых профессоров, сумевших поселить в молодежи любовь к науке», на лекциях которых был слышен лишь «скрип перьев и

¹² Гинзбург Л.Я. О лирике / вступ. ст. А.С. Кушнера. М. : Интрада, 1997. С. 8.

¹³ Назарова И.С. Динамика контекстовых форм в творчестве Я.П. Полонского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. С. 14.

¹⁴ Полонский Я.П. Старина и мое детство // Проза / сост., вступ. ст. Э.А. Полоцкой. М. : Сов. Россия, 1988. С. 307.

¹⁵ Там же. С. 300.

¹⁶ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Сочинения : в 2 т. / сост. и коммент. И.Б. Мушиной. М. : Худож. лит., 1986. Т. II. С. 426. Далее это издание цитируется с указанием тома и страницы в круглых скобках.

никакого шума» (т. II, с. 418). В частности, как наиболее ценимый студентами упоминается профессор права П.Г. Редкин, прошедший в 1830–1834 годах стажировку в Берлинском университете, где он слушал лекции по [философии права](#) Г.В.Ф. Гегеля. Лекции Редкина, по словам Полонского, увлекали его «философской подкладкой энциклопедии права» (т. II, с. 430). В числе «молодых профессоров» (а были они действительно очень молоды – тридцати с небольшим лет) назвались преподававший римскую словесность и древности Д.Л. Крюков, в 1832–1835 годах слушавший в Берлине лекции Августа Бека, и Т.Н. Грановский, в 1835–1836 годах изучавший труды Гегеля в Берлинском университете. Идеалистическое направление мысли самым естественным образом легло на воззрения молодого поэта, окрасило собой воссоздаваемый им в лирике мир, определило сущностное значение вещей в этом мире.

Не случайно Д.П. Святополк-Мирский писал, что Я.П. Полонский был единственным на то время русским поэтом, способным «создавать неуловимые, как лесной шум, эффекты немецких романтиков, и единственным, кто после Лермонтова был способен видеть иную даль за облаками заката»¹⁷. Отмечая присущее поэту лермонтовское умение «создавать тончайшую и пронзительную поэзию из заурядного, каждодневного бытового и словесного материала»¹⁸, критик по существу говорит о творческом принципе, определяющем романтическое отношение поэта к действительности. Этот принцип состоит в умении выражать бесконечное в конечном, вечные идеалы мира, добра, красоты, правды – в образах преображенной творческим сознанием поэта реальности. Полонский умел разглядеть идеальные, очищающие и просветленные черты в самых простых и обыденных вещах.

Поэтический мир любовной лирики раннего периода творчества Я.П. Полонского во многом определяется повторяющимися мотивами, формирующими лирические сюжеты. Сюжетные линии были связаны здесь образом возлюбленной, повторяющимися жизненными ситуациями, образами-символов, а также медитативным выходом лирического субъекта на уровень осознания сущности любви. Из бытового контекста им извлекались бытийные смыслы.

Уже первое из опубликованных в большой печати стихотворений Я.П. Полонского – «Священный благовест торжественно звучит...» – вводит читателя в живой, диалектически развивающийся мир внутренней жизни лирического субъекта. В этом мире в непримиримых противоречиях состоят душа и рассудок, здесь «тяжкое сомненье» мешает молитве и мрачит «святые помыслы души» (т. I, с. 28). Рассудок, ищущий опоры вовне, сталкивается с холодным непониманием и неприятием – «бездонный мрак на вопль не отвечает».

Остро ощущаемая антиномичность бытия воплощена в противостоянии повседневности гармонии, которая угадывается в звучании «священного благовеста». Внутренняя жизнь человека осмыслена как находящаяся между двумя полюсами – слабым, блуждающим в пустоте рассудком и живой, стремящейся к гармонии душой. Постичь и обрести эту гармонию помогает природа. Любовь, которой живет душа так же подвижна и трепетна, как сама природа. Лирический герой стихотворения «Пришли и стали тени ночи...» (1842) сознает хрупкость и незащищенность чувства двух влюбленных перед внешними обстоятельствами жизни. Обращаясь к ночи, он призывает: «Помедли, ночь! Густою тьмою / Покрой волшебный мир любви!» (т. I, с. 33). Единение чувств влюбленных, представленное в финале стихотворения, неотделимо от природы и осуществляется под ее покровом:

В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! Погоди! (Там же)

Здесь осознается и желательность, и запредельность такого единения. В восклицании лирического героя: «Ты, время, дряхлую рукою / Свои часы останови!» – очевиден намек на гётевского Фауста, в момент заключения договора с Мефистофелем произнесшего: «И если я скажу мгновенью: / тебе я рад, остановись! <...> Пусть маятник с часов сорвется, / Пусть время минет для меня!» (пер. Э.И. Губера, 1838).

Если же не брать во внимание глубинный смысл любви и относиться к воссозданной в стихотворении Полонского жизненной сцене как простому описанию любовного свидания, то финал его может быть истолкован узко – как «знак разлада и отчаяния»¹⁹. Однако трудно

¹⁷ Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. 2-е изд. Новосибирск : Свиньян и сыновья, 2006. С. 353.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Egeberg E. The Poetry of Jakov Polonskij // Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies. 2002. Vol. 5. P. 51.

согласиться с такой интерпретацией, если учитывать идеалистическую настроенность личности поэта, его устремленность к гармонии чувства – внутренней жизни, а не внешним ее проявлениям.

По предположению С.С. Тхоржевского, стихи эти были посвящены Евгении Сатиной, юной девушке, в которую студент Полонский влюбился, еще не зная лично, по рассказам своего товарища Малича²⁰. Личная встреча очаровала. В дневнике поэта была сделана следующая запись: «Прошли унылые недели – я не видел ее, а мог бы видеть в церкви [Рождественского монастыря. – С. Т.] каждое воскресное утро... Каждый удар колокола ударял в грудь мою, и во мне совершалась ужасная борьба – идти или не идти»²¹. В своей влюбленности молодой человек так и не признался, мучительно переживая невысказанное чувство. Вскоре он узнал о печальных обстоятельствах жизни Евгении, обусловленных ее доверчивостью и легкомыслием, на них поэт намекал в стихотворении «Встреча» (1844), называя девушку «погибшее, но милое создание» (т. I, с. 37). Возможно, воспоминания, связанные с образом Евгении Сатиной, который был идеализирован в сознании поэта и пал в его глазах вследствие неблагоприятных жизненных обстоятельств, послужили материалом для стихотворения «Вижу ль я, как во храме смиренно она...» (1845), начинающегося словами:

Вижу ль я, как во храмъ смиренно она
Передъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной, —
Такъ молиться лишь можетъ Святая одна...
И болить мое сердце, болить!²²

В тексте очевидны аллюзии на стихотворение М.Ю. Лермонтова «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...». При этом переосмыслиется образ возлюбленной: в отличие от идеальной лермонтовской «девы невинной», «души достойной», «сердца незлобного», героиня стихотворения Полонского – образ противоречивый, совмещающий возвышенные устремления с эгоистическими страстями. Во время молитвы в храме она, в восприятии героя стихотворения, приближается к божественному миру, на светском бале, отдаваясь тщеславным желанием, становится предметом соблазна. Она принадлежит и миру «Царицы небесной», и миру «сатаны». Любовь для лирического героя мучительна, он раздираем противоречиями между обожанием первой, идеальной ипостаси возлюбленной и ненависти ко второй:

И молю я Владычицу Дѣву, скорьбя:
Ниспошли ей, Владычица Дѣва, терновый вѣнок,
Чтобъ ее за страданья, за слезы, любя,
Я ее ненавиждь не могъ (с. 15).

Стремясь избавиться от душевных страданий, герой Полонского обращается с молитвой к «Владычице Деве» и с призывом к сатане принять ее к себе: «Чтобъ ее ненавиждь всей силой души, / Я любить ее больше не могъ».

При том, что многие красавицы привлекали внимание молодого поэта, один женский образ послужил вдохновению на протяжении нескольких долгих лет. Знакомство с Соней Коризной произошло в доме доктора Н.В. Постникова. Здесь проживала родственница последнего М.М. Полонская (бывшая замужем за однофамильцем поэта), сестрой ей и приходилась Соня, часто бывавшая в доме. Имя возлюбленной поэт не называет не только в обращенных к ней стихах, но и в своих воспоминаниях, ограничившись краткой характеристикой: «Страстная, недюжинная по уму и насмешливо-остроумная», а также описанием прогулок с ней наедине: «Помню летние лунные ночи, когда в саду оставались мы вдвоем; она говорила со мной так загадочно и, не упоминая ни слова о любви. Дразнила меня одними намеками»²³. От невысказанного чувства, позднее оказавшегося взаимным, Полонский бежал в Крым. Опубликованный там в 1846 году сборник стихотворений вместе с адресованным Соне письмом прислал в Москву, она нашла в нем намек на их нежные отношения и писала: «Говорить ли вам о том, как приятно было получить письмо ваше? <...> Благодарю вас за книгу ваших стихотворений, еще раз вижу, что вы не забыли меня»²⁴.

²⁰ Тхоржевский С.С. Высокая лестница. С. 375.

²¹ Там же. С. 372.

²² Полонский Я.П. Стихотворения 1845 года. Одесса : Тип. А. Брауна, 1846. С. 14. Не вошедшие в двухтомное издание 1986 года тексты сборника цитируются с сохранением орфографии и пунктуации источника. Далее страницы текстов, цитируемых по этому изданию, обозначаются в круглых скобках.

²³ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания. С. 392.

²⁴ Тхоржевский С.С. Высокая лестница. С. 385.

Опираясь на приведенные в книге С.С. Тхоржевского выдержки из переписки Я.П. Полонского с его друзьями и Соней Коризной, а также воспоминания поэта, рассмотрим ряд произведений, хранящих память о непродолжительном периоде их романтических отношений. В стихотворениях прослеживаются мотивы невысказанного и с годами не остывшего чувства, недоверия и боязни ошибиться, трепета нежного общения и боли невозвратности. Это такие произведения, как «Прощай», «Маяк», «Последний разговор», вошедшие в сборник «Стихотворения 1845 года», а также написанные позднее «Старый сазандар» и «Утрата».

Известно, что накануне отъезда поэта из Москвы Соня прислала ему записку, заканчивавшуюся словами: «...я попытаюсь забыть Вас, но чувствую, что это будет нелегко и невозможно. Прощайте»²⁵. Как продолжение начатого диалога мы трактуем стихотворение «Прощай», которое начинается словами, утверждающими невозможность личного объяснения: «Прощай!.. О да, прощай! Мнѣ грустно... / Моих страданій передать / Я не могу тебѣ изустно, / Вотъ все – что я могу сказать...» (с. 8). Продолжает тему далекой возлюбленной стихотворение «Маяк», выражающее чувства одиночества, тоски и неясные очертания будущего. В нем речь идет от лица заблудившегося в море корабля. Поэт подчеркивает, что необходимым ориентиром для корабля не может быть звезда, закрываемая тучами, тогда как маяк являет тот жизненно необходимый свет, который помогает найти путь в бурном море: «Какъ въ сумрачной степи пустынный огонек, / Одинъ маякъ вдали едва мелькаѣтъ / – <...>. Одинъ маякъ вдали – и нѣтъ ему затмѣнья / И дела нетъ ему до мрачныхъ облаковъ...» (с. 28). Несомненно, образ блуждающего в море корабля отвечает не только поэтической символике жизни как морского странствия, но и теме внутреннего человека в динамике его чувства и мысли, по выражению А.И. Иваницкого, теме «соотношения моря и естества/сознания героя»²⁶. Развитие этой темы находим в стихотворениях «В бую над морем» и «Странник и море» (оба – 1845).

В первом воссоздается впечатляющая, живая и живописная картина морской бури:

Сверкнула молніи стрѣла;
Въ раскатахъ грома замеръ говоръ водопада.
Оторвалась и медленно сползла,
Цѣпляясь по скаламъ, волнистая громада
На каменномъ хребтѣ висѣвшихъ облаковъ.
Тяжелъ и душень воздухъ знойный
И корабли спѣшатъ уйти от береговъ.
Я слышу чайки безпокойный,
Зловѣщій крикъ; я видѣлъ – два крыла
Мелькали в воздухѣ, перевернулись –
И вмигъ исчезли. Мгла
Покрыла солнце... (с. 36).

Созерцаемый лирическим героем возвышенный образ бушующего моря рождает в нем мрачные мысли о силе водной стихии, грозящей гибелью: «Вонъ, вонъ почти въ моихъ глазахъ, / Объ камень грянулся всей грудью и въ волнахъ / Истерзанный корабль с пловцами погибаетъ...» (с. 38). Таким образом, возвышенная настроенность души героя приходит в диссонанс с действительными впечатлениями жизни.

Во втором стихотворении представлен монолог, обращенный к страннику и содержащий рассуждения об одиночестве, несбывшемся счастье и о напрасной надежде разделить тоску с чужим холодным морем, символизирующим разрушительные для идеального мира души воздействиями жизненной реальности. Море легко играет «добычей урагана», обломками разбитых кораблей, как жизнь – разрушенными мечтами и несбывшимися надеждами. Таким образом, и маяк, и море, и корабль обретают в стихотворениях Я.П. Полонского символический смысл, извлекаемый из печальных переживаний без надежды на воссоединение с любимой, чувства одиночества, разрушенной мечты и разочарования надежды.

Продолжая диалог с далекой возлюбленной и обращаясь в глубь своей души, лирический герой стихотворения «Вальс Hoffnungs-Strahl» (Вальс «Луч надежды») (1845) размышляет о временном и вечном в земной жизни, задаваясь вопросом:

²⁵ Там же. С. 380.

²⁶ Иваницкий А.И. О смыслах «любовного мореплавания» в русской поэзии «чистого искусства». С. 177.

Среди бесчисленных забавъ,
Среди старданій быстротечныхъ
Какихъ страстей ты хочешь вѣчныхъ,
Какихъ ты хочешь вѣчныхъ правъ? (с. 61)

Земная жизнь представляется герою мрачным, пустым сном, от которого хотелось бы очнуться и обрести иное, бесконфликтное восприятие мира. В стихотворении «Последний разговор», со всей очевидностью адресованном Соне Коризне, дисгармоничному мироощущению лирического героя противопоставляется легкая и дарящая радость песня соловья. В стихотворении упоминается о любимой скамье в саду, месте свиданий с Соней, во время которых могло произойти объяснение влюбленных и не произошло:

И зачѣмъ терять слова напрасно!
Веселѣ соловью внимать:
Соловей не может такъ ужасно
Заблуждаться и любя страдать! (с. 64)

В стихотворении складывается символическая антитеза «поэт – соловей», способствующая выражению сожаления о нарушенной целостности человеческой души. Поэт отходит от романтической традиции, аллегорического воплощения в соловьином пении «любовных переживаний лирического героя», когда оно «становится средством раскрытия гармоничного мира человеческой души»²⁷. Душа лирического героя в стихотворении Полонского пребывает в противоречии сама с собой, поэт мечтает обрести ее цельность, родственную соловьиному пению: «Пожелай мнѣ ночи не замѣтить / И другимъ очнуться в небесахъ, / Гдѣ бь я могъ тебя достойно встрѣтить / С соловьиной пѣснью в устахъ!» (с. 64). Соловей, по наблюдениям А.В. Азбукиной, в лирической структуре произведения «развертывается в метафору-символ», означающий «поэтическую мечту, грезу, идиллию, “гармонию сердец”, недостижимую в реальной действительности»²⁸.

И позднее Я.П. Полонский будет обращаться к образу беззаботного, легко дарящего миру свою песню соловья, противопоставляя его своему лирическому и автобиографическому, склонному к рефлексии герою. Написанное несколько позднее стихотворение «Соловьиная любовь» (1856) начинается словами: «В те дни, как я был соловьем, / Порхающим с ветки на ветку...». В нем поэт, используя легкую интонацию стихотворной сказки, рассказывает грустную историю разочарования в любви, ставшую причиной того, что герой потерял соловьиную легкость и с сожалением замечает: «...рано промчавшись, / Весна навек мои песни умчала». В поэме-шутке «Кузнечик-музыкант» (1859) возлюбленная лирического героя бабочка Сильфида предпочитает Соловья, увлекшись его пением, когда «...по всему-то саду / Рассыпались звуки, страстно замирая / В бесконечных трелях». Соловей дерзок и «клюет знакомых», тогда как отверженный Кузнечик отправляется на поиски пропавшей Сильфиды и находит ее мертвой, а похоронив, горько печалится, «сердцем надрываясь». Соловей же продолжает петь, и по-прежнему «звучно раздавался рокот соловьиный». Так, образ соловья наделялся не свойственной ему в предыдущей поэтической традиции амбивалентностью – будучи прекрасным певцом, он совершенно бесчувствен ко всему, что его песен не касается. В отличие от него, близкий автору Кузнечик – тонок, чувствителен, не уверен в себе, добр и чужд эгоистическим устремлениям.

Одной из устойчивых психологических черт героя ранней лирики Я.П. Полонского, безусловно, было сомнение. Свои наблюдения по этому поводу высказал норвежский ученый Эрик Эгеберг (Erik Egeberg), профессор русской литературы в Тромсе. Он увидел в сомнении одновременно и недостаток, и достоинство творческой личности поэта: «Сомнение может представлять собой изъян в творческом облике Полонского. <...> Но, с другой стороны, как раз сомнение содействовало росту его популярности, поскольку оно соответствовало не только личности поэта, но и настроению широких слоев русской интеллигенции. <...> Важно оно и для развития русской литературы, поскольку поэзия Полонского является одной из предпосылок возникновения первой волны русского символизма»²⁹.

²⁷ Азбукина А.В. «Соловей» – эмблема в русской поэзии первой половины XIX века // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых / отв. ред. Н.А. Андрамонова. Казань, 2003. С. 106.

²⁸ Азбукина А.В. Символика образа соловья в поэзии второй половины XIX века («Некрасовская школа» и романтическое направление) // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект / отв. ред. Н.А. Андрамонова. Казань, 2003. С. 203.

²⁹ Egeberg Erik. The Poetry of Jakov Polonskij. P. 53.

Развивается мотив невысказанного чувства, вызванного неуверенностью в его истинности и взаимности в ряде стихотворений кавказского периода. Душевной болью для лирического героя отозвалась история не сложившихся отношений с Соней Коризной в стихотворении «Старый сазандар» (1850–?), обращенном к вопросам о бренности земного бытия и вечности, о смысле и значении поэтического творчества и любви. Стремясь к разрешению бытийных вопросов, герой вступает в диалог с кавказским певцом и музыкантом – старым сазандаром. Предваряется диалог описанием кавказской ночи, располагающей к откровенности:

Земли, полуднем раскаленной,
Не освежила ночи мгла.
Заснул Тифлис многобалконный;
Гора темна, луна тепла...
Кура шумит, толкаясь в темный
Обрыв скалы живой волной...
На той скале есть домик скромный,
С крыльцом над самой крутизной (т. I, с. 74).

В скромном домике сазандара лирический герой Полонского чувствует себя уютно и свободно, здесь не действуют правила светского общежития, душа открыта природе и собеседнику.

Автор-герой стихотворения подчеркивает единомыслие и одиночество с умудренным жизненным опытом певцом: «Поет он, словно песнь его / Способна, дико оживляясь, / Быть эхом сердца моего!». Внимая песне сазандара, он утверждает родственность двух поэтических сознаний и подчеркивает преимущество старшего. Мудрость старого сазандара в том, чтобы принимать жизнь, любить людей и сохранять крепость духа, не только в разлуке с любимой, без надежды на воссоединение, но даже и тогда, когда она уже обитает в ином мире. Старый сазандар обращается к своему собеседнику со словами:

Твое мученье – за горами,
Твоя любовь – в родном краю;
Моя – над этими звездами
У Бога ждет меня в раю! (т. I, с. 76).

В этих словах читается намек на печальную историю юношеской любви Полонского. Рефлектирующий герой стихотворения не уверен в собственной судьбе, в собственном таланте и выражает сомнение, что его песни найдут своего слушателя, а любимая будет ждать его в иной жизни.

Развившийся из мотива невысказанного чувства сюжет о недостижимости счастья в любви получил развитие в переписке с Соней Коризной и в стихах поэта по возвращении его из Тифлиса в Москву, и последующему переезду в Петербург. Так, в 1851 году, отвечая на письмо Сони, Полонский писал: «Много пережил с тех пор, как мы расстались... Из омута страстей и впечатлений, всего того, что мы называем жизнью, душа моя вынесла и до сих пор сохраняет свято образ ваш...»³⁰. Отголоски неудовлетворенности принятым когда-то решением «испытать себя, чтобы не обмануть и не обмануться»³¹, слышны и в стихотворении 1855 года «Прости». Вновь обращаясь в памяти к этому непростому решению, поэт горько сетует, сознавая его ошибочность:

Любви прекрасным упованиям
Рассудком положи предел,
Страдая сам, твоим страданьям
Я отозваться не хотел (т. I, с. 112).

Дальнейшее развитие сюжета о недостижимости счастья обнаруживается в стихотворении «Утрата», текст которого был послан поэтом в письме из Женевы А.Н. Майкову и впервые опубликован в 1859 году в журнале «Русское слово». Майков писал в ответ: «В пьеске, присланной тобой мне, есть два великолепные, пушкинские стиха, да и вся пьеска пахнет ароматом Пушкина: *Все недосказанное вами И недослушанное мной*» (выделено в источнике. – Т. Ф.)³². Оказывается, по прошествии лет не угасли чувства, не стерся вовсе, хотя и поблек в памяти,

³⁰ Тхоржевский С.С. Высокая лестница. С. 404.

³¹ Там же.

³² Тхоржевский С.С. Высокая лестница. С. 426.

образ возлюбленной, не утихла боль от недостижимости близкого тогда и невозможного теперь счастья:

Перед непризнанной любовью
Я весел был в прощальный час,
Но – Боже мой! с какою болью
В душе очнулся я без вас!
Какими тягостными снами
Томит, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной! (т. I, с. 124)

Таково было завершение сюжета, в поэтическом мире лирики поэта финал возвращает нас к началу без надежды на продолжение. В жизни возврат к прошлому был невозможен в силу того, что Соня уже была и не Соня, а Софья Михайловна Дурново, почему в завершившем их переписку письме поэт предлагал, сохранив воспоминание о прошлом, обратиться к настоящему.

Органичной для поэта модели идеальной любви, воссозданной в лирике 1846–1851 годов, противостоит эгоистическое чувство личности, стремящейся присвоить себе власть решать чужие судьбы. Экзотический для русского человека мир роскошной кавказской природы, героической истории многовековой борьбы за автономию государства, шумного быта «разноплеменного» Тифлиса породил в стихах Я.П. Полонского соответствующий тип отношения к миру – натуру страстную, деятельную, склонную в достижении поставленной цели на безрассудство. Таков герой стихотворения «Агбар» (1849), написанного в духе жестокого романса о препятствии в любви молодого бедняка и дочери местного помещика – агалары. Отец возлюбленной Агбара, истово соблюдающий социально-сословные отношения, требует большого «калыма». Для неуправляемого «Агбара удалого» на пути к счастью нет никаких преград. Он совершает одно преступление за другим и готов на самое страшное – убийство подтолкнувшего его к преступлениям «лукавого» отца своей возлюбленной. На ее вопрос о долгом отсутствии Агбар сообщает:

В эту неделю украл я коня;
Добрый товарищ нас ждет у плетня;
В эту неделю украл я ружье;
Да не в ружье все богатство мое!
Им я убил армянина купца...
Деньги достал по совету отца.
Им и отца я убью в эту ночь,
Если украсть помешает мне дочь... (т. I, с. 70).

Уже В.С. Соловьёвым, одним из первых критиков Я.П. Полонского, было замечено, что, «помимо исторических и описательных картин, и собственно лирические стихотворения, вдохновленные Кавказом, насыщены у Полонского настоящими местными красками»³³. Таково стихотворение «Не жди» (1849), отразившее по общему мнению исследователей творчества поэта, увлечение тбилисской красавицей Софьей Гулгаз. Отношения были и страстными, и мучительными для Полонского. Героиня произведения не оставляет возлюбленному возможности оставаться собой, от ее любви «душе простора нет в груди», уединенный, на окраине города стоящий дом, ее «уголок» герою «душен» (т. I, с. 66). Ему необходим «простор», жажда любви определяет напряженную внутреннюю жизнь в поиске идеала:

Когда сама душа – сама душа не знает,
Какой любви, каких еще чудес
Просить или желать – но просит, но желает –
Но молится пред образом небес.
И чувствует, что уголок твой душен,
Что не тебе моим молениям отвечать, –
Не жди! – я в эту ночь к соблазнам равнодушен –
Я в эту ночь к тебе не буду ревновать (т. I, с. 66).

В то время, как мир любви героини сопряжен с самыми крайними и низменными проявлениями – изменой, ревностью, – герой весь погружен в красоту природы. Его душа читает тайну бытия, живет ожиданием чуда, нуждается в молитве, тогда как в отношениях с героиней стихотворения находит лишь «соблазн».

³³ Соловьёв В.С. Яков Петрович Полонский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 24. С. 362. URL : <http://runivers.ru/lib/detail.php?ID=363763>

Очевидно, тема любовного страдания во взаимном непонимании и несовпадении стремлений – очень личная и важная для поэта, устроенного так, что никакие обстоятельства внешней жизни не могли замутить чистоту его благородной души. Об этом свидетельствуют воспоминания близких Полонскому людей, тесным, дружеским общением с которыми была освещена большая часть его жизни. Н.А. Некрасов писал о «симпатичной и благородной личности» поэта; Д.В. Григорович свидетельствовал, что «не встречал человека с душой более *чистой, детски наивной*», А.А. Голенищев-Кутузов отмечал «бесконечное добродушие, благожелательность и юношескую, почти *наивную* доверчивость ко всем и всему, что его окружало»; Е.А. Штакеншнейдер замечала, что вряд ли можно найти другого такой «редкой души человека», «доброто, чистото, честного» (выделено в источнике. – Т. Ф.)³⁴.

В стихотворении «На пути из-за Кавказа» (1851) поэт прощается с прекрасной землей, которую полюбил, и «навсегда» расстается с той, что дала «много страдания». Оставляя край, в котором был и счастлив, и мучим любовью, лирический герой Полонского сохраняет в воспоминаниях лишь радостные, счастливые моменты: красоту увешанного виноградными лозами уединенного двора возлюбленной, покой и «беспечную лень», «улыбку лукавую» и «огонь соблазнительных глаз». Он спокойно оставляет в прошлом все, что приносило страдание:

Все, что было обманом, изменою,
Что лежало на мне словно цепь,
Все исчезло из памяти с пеною
Горных рек, вытекающих в степь (т. I, с. 94).

Сущность любви, в представлении поэта, выходит далеко за границы обыденности. Очень значима в связи с этим рассказанная им в стихотворении «Тамара и певец ее Шота Руставель» (1851) оставшаяся в веках история любви певца Шота Руставели и царицы Тамары. Образ грузинской царицы, воссозданный в произведении Полонского, довольно близок к исторической правде. В памяти народа она осталась прежде всего просвещенной правительницей, устройтельницей государства, распространительницей христианства в Грузии, способствовавшей строительству не только оборонительных крепостей, но также – храмов и монастырей. В стихотворении Я.П. Полонского она – властная собирательница земель, гордая и бесстрашная, призывает своих воинов оказать сопротивление вражескому войску, «что с востока идет». «И толпа ей покорных князей» готова повиноваться своей царице.

Руставель изображен Полонским как вдохновенный поэт, чуждый воинственного духа, что тоже соответствует исторической правде – его прототип был образованнейшим человеком своего времени. Хотя он и состоял на государственной службе, прославился именно как большой лирический поэт. В стихотворении Полонского Руставель является во дворец не в воинских доспехах, а в «византийской одежде». Он «мечтательно тих» и видит в царице божественной красоты женщину, свою любовь к которой готов воспевать в стихах:

Не царицу Иверии в сонме князей,
Божество красоты молча видит он в ней –
Каждый звук ее голоса в нем
Разливается жгучим огнем,
Каждый взгляд ее темных очей
Зарождает в нем тысячу змей... (т. I, с. 81).

Запрещая песни о любви, царица призывает прославлять ее государственные подвиги – «...ты любишь дела и победы мои».

Однако любовь певца не подвластна ни земным законам, ни даже воле царицы Тамары, которая хотела бы, но не может запретить Руставелю воспевать ее красоту. Любовь поэта не принадлежит земному миру, она, как и само вдохновенное свыше поэтическое слово, – надмирна. Ее удел – не дворец Тамары, а весь божий мир:

Буду петь про любовь – ты не станешь внимать...
Но, клянусь! на возвышенный голос любви
Звезды будут лучами играть,
И пустыня, как нежная мать,
Мне раскроет объятья свои! (т. I, с. 82).

---

³⁴ См. об этом: Ермилова Е.В. Яков Петрович Полонский (1819–1898) // Полонский Я.П. Стихотворения / сост., вступ. ст., примеч. Е.В. Ермиловой. М. : Сов. Россия, 1981. С. 7–8.

Утверждая принадлежность любви высшему миру, превосходящему мир человеческих подвигов и страстей, Полонский показывает, что не может человек обладать над нею властью. Над ней не властны не только земные правители, но само время. Об этом – заключительные строки стихотворения, слова, обращенные Руставелем к Тамаре о стихах, «созданье» поэта: «Но его затвердят / Внуки наших внучат... / Да прославится имя твое!» (т. I, с. 82)³⁵.

Онтологически любовь в лирике Я.П. Полонского анализируемого периода близка к христианскому, просветленному, самоотверженному чувству. Его герой полностью лишен эгоистических целей, он всегда думает о другом, опасаясь его ввести в заблуждение, обмануть. Он не злобив и сохраняет в душе лишь добрые чувства и воспоминания. Выраженное в рассмотренных нами произведениях существо любви вполне отвечает высказанному в Первом послании к Коринфянам святого апостола Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (Кор. I, 13: 4–8).

Не случайно поэт находит выражение своему сознанию в евангельском тексте. Так, в стихотворении «Внутренний голос» (1847), целиком построенном на евангельских аллюзиях, угадывается образ Господа – Творца земной красоты, Источника вечного света, сюжет евангельской притчи о Сеятеле. В произведении явно высказана тайна всеобъемлющей любви:

Когда душа твоя, страдая,
Полна любви, – а между тем
Ты любишь, сам не понимая,
Кого ты любишь и зачем... (т. I, с. 59).

Внутренний голос соотносим с образом Творца: «Я не доступный мыслям праздным, / Я Тот, кто в благодати Своей / Законы дал звездам алмазным, / Свободу дал душе твоей» (т. I, с. 59). Он благоволит человеку, обращаясь к его духовной жизни: «В твоей душе вопросы сея, / Дышу на эти семена». В финале звучит призыв взрастить эти семена духовной жизни:

И говорю: на почве скудной
Дай взреть Божьим семенам,
В день благодатный жатвы трудной
Я за дела твои воздам (т. I, с. 60).

Таким образом, любовь в лирике Я.П. Полонского 1840-х – начала 1850-х годов включает в себя бытийные смыслы от романтически освоенного в русской литературной традиции одухотворенного чувства до сопряженного с наивысшим проявлением Божественной, Христовой любви.

Своеобразный итог творчества рассматриваемого нами периода был подведен самим поэтом в стихотворении «Последние выводы» (1853). Обращаясь к своему университетскому товарищу А.В. Новосильцеву, поэт размышляет об ошибках и разочарованиях, обычных для молодого человека. Упоминает о «безумной юности», «несбыточных грезах», недостижимых в действительной жизни «возвышенных надеждах», «смешном неверии» и «осмеянных слезах», «внутренней борьбе» – обо всем, что составляет «одно всецелое страданье». Судьба молодых «идеалистов», как называл поэт в воспоминаниях товарищей по университету, – общая. Все они, подобно Гамлету, склонны к рефлексии, и, подобно Дон Кихоту, пускались в странствие за призрачной мечтой: «Мы так же, как и ты, похожи на Гамлета; / Ты так же, как и мы, немножко Дон Кихот» (т. I, с. 102).

Весь рассмотренный нами корпус любовной лирики раннего периода творчества Я.П. Полонского показывает поиск идеальных отношений в их развитии. Образному воплощению бытийных смыслов любви в поэтическом мире проанализированных нами произведений служат мотивы невысказанного чувства, сомнения, непризнанной любви, расставания и надежды на новую встречу, памяти. Источником этих мотивов в лирике поэта становятся впечатления

---

³⁵ Очевидным продолжением этих строк стихотворения Я.П. Полонского стали слова из прощального письма г-на Желткова «Да святится имя твое!», обращенные к княгине Вере Шеиной (рассказ А.И. Куприна «Гранатовый браслет», 1910). Этот рассказ – о вечной любви, которая дается людям лишь раз в тысячелетие, – завершается возвышенным гимном такой любви, где рефреном становятся слова из письма Желткова: «Да святится имя твое!» и «Слава тебе!».

обыденной жизни, действительность, к которой, по словам поэта, ему пришлось привыкать. Биографический контекст позволяет установить связь идеальных представлений поэта с событиями действительной жизни, получившими преломление в его творческом сознании. Из лирического сюжета о недостижимости счастья взаимной любви, об ошибках и препятствиях ему во внутренней жизни следует вывод – любовь принадлежит не физическому, а духовному пространству, вечности. В концентрированном виде онтология любви представлена в оригинальном символическом развитии метафорических образов, воспринятых из литературной и культурной традиции: «молитва», «божество», «море», «корабль», «соловей», «песня». Автор-герой произведений раннего периода творчества Я.П. Полонского выходит на уровень постижения «исходных смыслов» бытия в любви, изначально определенных текстами Священного Писания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Азбукина, А.В. «Соловей» – эмблема в русской поэзии первой половины XIX века [Текст] // Русская и сопоставительная филология: в згляд молодых / отв. ред. Н.А. Андрамонова. – Казань, 2003. – С. 100–107.
2. Азбукина, А.В. Символика образа соловья в поэзии второй половины XIX века («Некрасовская школа» и романтическое направление) [Текст] // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект / отв. ред. Н.А. Андрамонова. – Казань, 2003. – С. 200–204.
3. Гинзбург, Л.Я. О лирике [Текст] / вступ. ст. А.С. Кушнера. – М. : Интрада, 1997. – 414 с.
4. Иваницкий, А.И. О смыслах «любовного мореплавания» в русской поэзии «чистого искусства» [Текст] // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха : сб. ст. – Рязань, 2015. – С. 160–179.
5. Иваницкий, А.И. Онтология моря в русских поэтических системах [Текст]. – Воронеж : Научная книга, 2014. – 184 с.
6. Исупов, К.Г. Ф.И. Тютчев: поэтическая онтология и эстетика истории [Текст] // Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. – СПб. : Рус. христиан. гуманитар. акад., 2010. – С. 160–197.
7. Карасёв, Л.В. Гоголь и онтологический вопрос [Текст] // Вещество литературы. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 400 с.
8. Карасёв, Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу [Электронный ресурс]. – М. : РГГУ, 1995. – Вып. 9. – Режим доступа : <http://ivgi.rsuh.ru/print.html?id=2135777>
9. Лагунов, А.И. Лирика Якова Полонского [Текст]. – Ставрополь : Ряз. кн. изд-во, 1974. – 125 с.
10. Леонтьев, Д.А. Онтология любви: за пределами слова и чувства [Электронный ресурс] // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / сост. М.А. Козлова. – М. : ГУ ВШЭ, 2010. – С. 71–102. – Режим доступа : <http://www.lyubi.ru/phil105.php>
11. Моклецова, И.В. О Родине и о себе: молитвенные размышления Я.П. Полонского [Текст] // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха : сб. ст. – Рязань, 2015. – С. 7–17.
12. Назарова, И.С. Динамика контекстовых форм в творчестве Я.П. Полонского [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Омск, 2009. – 18 с.
13. Нефёдова, Л.К. Онтология поэтического слова Артюра Рембо [Текст] : моногр. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 130 с.
14. Орлов, П.А. Я.П. Полонский [Текст]. – Рязань : Ряз. кн. изд-во, 1961. – 96 с.
15. Полонский, Я.П. Проза [Текст] / сост., вступ. ст. Э.А. Полоцкой. – М. : Сов. Россия, 1988. – 494 с.
16. Полонский, Я.П. Сочинения [Текст] : в 2 т. / сост., коммент. И.Б. Мушиной. – М. : Худож. лит., 1986.
17. Полонский, Я.П. Стихотворения 1845 года [Текст]. – Одесса : Тип. А. Брауна, 1846. – 72 с.
18. Полонский, Я.П. Стихотворения [Текст] / сост., вступ. ст., примеч. Е.В. Ермиловой. – М. : Сов. Россия, 1981. – 272 с.
19. Полонский, Я.П. Стихотворения и поэмы [Текст] / сост. и вступ. ст. В.Г. Фридлянд. – М. : Правда, 1986. – 480 с.
20. Святополк-Мирский, Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год [Текст] / пер. с англ. Р. Зерновой. – 2-е изд. – Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2006. – 870 с.
21. Соловьев, В.С. Яков Петрович Полонский [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1898. – Т. 24. – С. 362. – Режим доступа : <http://runivers.ru/lib/detail.php?ID=363763>
22. Тиллих, П. Любовь, сила и справедливость. Онтологический анализ и применение к этике [Электронный ресурс]. – М. ; СПб. : Центр гуманит. инициатив, 2015. – 128 с. – Режим доступа : <http://fictionbook.ru/static/trials/12/15/67/12156775.a4.pdf>

23. Тхоржевский, С.С. Высокая лестница [Текст] // Портреты пером: исторические повести. – Л. : Сов. писатель, 1984. – С. 363–542.
24. Федянова, Г.В. Стихотворение Я.П. Полонского «На Черном море»: мотив «тишины» в литературной перспективе [Текст] / Г.В. Федянова, Т.П. Баталова // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха : сб. ст. – Рязань, 2015. – С. 180–187.
25. Фридлянд, В.Г. Поэт сердечной и гражданской тревоги [Текст] // Полонский Я.П. Стихотворения и поэмы. – М., 1986. – С. 3–26.
26. Эйхенбаум, Б.М. Сквозь литературу [Текст] : сб. ст. – Л. : Academia, 1924. – 280 с.
27. Эпштейн, М.Н. Онтология любви: Эдем в Песни песней [Электронный ресурс] // Звезда. – 2008. – № 3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/3/ep15.html>
28. Эпштейн, М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы [Текст]. – М. : Высш. школа, 2006. – 559 с.
29. Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) [Текст] : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. / сост. и науч. ред. Т.В. Федосеева ; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Рязань, 2015. – 356 с.
30. Egeberg, E. The Poetry of Jakov Polonskij [Text] // Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies. – 2002. – Vol. 5. – P. 46–54.

REFERENCES

1. Azbykina, A.V. “Solovei” – emblema v rysskoi poezii pervoi polovini XIX veka [Text] // Rysskaya i sopostavitelnaya filologiya: v zglyad molodih / otv. red. N.A. Andramonova. – Kazan, 2003. – S. 100–107.
2. Azbykina, A.V. Simvolika obraza solovya v poezii vtoroi polovini XIX veka (“Nekrasovskaya shkola” i romanticheskoe napravlenie) [Text] // Rysskaya i sopostavitelnaya filologiya: sistemno-fynktsionalnii aspekt / otv. red. N.A. Andramonova. – Kazan, 2003. – S. 200–204.
3. Ginzbyrg, L.Ya. O lirike [Text] / vstyp. st. A.S. Kyshnera. – M. : Intrada, 1997. – 414 s.
4. Ivanickii, A.I. O smislah “lubovnogo moreplavaniya” v rysskoi poezii “chistogo iskyssstva” [Text] // Ya.P. Polonskii: tvorchestvo, sydba, epoha : sb. st. – Ryazan, 2015. – S. 160–179.
5. Ivanickii, A.I. Ontologiya morya v rysskikh poeticheskikh sistemah [Text]. – Voronej : Naychnaya kniga, 2014. – 184 s.
6. Sypov, K.G. F.I. Tutchev: poeticheskaya ontologiya i estetika istorii [Text] // Sydbi klassicheskogo naslediya i filosofsko-esteticheskaya kylytra Serebryanogo veka. – SPb. : Rys. hristian. gymanitar. akad., 2010. – S. 160–197.
7. Karasyov, L.V. Gogol i ontologicheskii vopros [Text] // Veshstvo literatyri. – M. : Yaziki slavyanskoi kylytri, 2001. – 400 s.
8. Karasyov, L.V. Ontologicheskii vzglyad na rysskyu literatyru [Electronic resource]. – M. : RGGY, 1995. – Vip. 9. – Mode of access : <http://ivgi.rsuh.ru/print.html?id=2135777>
9. Lagynov, A.I. Lirika Yakova Polonskogo [Text]. – Stavropol : Ryaz. kn. Izd-vo, 1974. – 125 s.
10. Leontev, D.A. Ontologiya lubvi: za predelami slova i chyvstva [Electronic resource] // Ot sobitiya k bitiu: grani tvorchestva Galini Ivanchenko / sost. M.A. Kozlova. – M. : GY VShE, 2010. – S. 71–102. – Mode of access : <http://www.lyubi.ru/phil105.php>
11. Moklecova, I.V. O Rodine i o sebe: molitvennie razmishleniya Ya.P. Polonskogo [Text] // Ya.P. Polonskii: tvorchestvo, sydba, epoha : sb. st. – Ryazan, 2015. – S. 7–17.
12. Nazarova, I.S. Dinamika kontextovih form v tvorchestve Ya.P. Polonskogo [Text] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Omsk, 2009. – 18 s.
13. Nefyodova, L.K. Ontologiya poeticheskogo slova Artura Rembo [Text] : monogr. – 2-e izd., ster. – M. : FLINTA, 2011. – 130 s.
14. Orlov, P.A. Ya.P. Polonskii [Text]. – Ryazan : Ryaz. kn. izd-vo, 1961. – 96 s.
15. Polonskii, Ya.P. Proza [Text] / sost., vstyp. st. E.A. Polockoi. – M. : Sov. Rossiya, 1988. – 494 s.
16. Polonskii, Ya.P. Sochineniya [Text] : v 2 t. / sost. i komment. I.B. Myshinoi. – M. : Hydoj. lit., 1986.
17. Polonskii, Ya.P. Stihotvoreniya 1845 goda [Text]. – Odessa : Tip. A. Brayna, 1846. – 72 s.
18. Polonskii, Ya.P. Stihotvoreniya [Text] / sost., vstyp. st., primech. E.V. Ermilovoi. – M. : Sov. Rossiya, 1981. – 272 s.
19. Polonskii, Ya.P. Stihotvoreniya i poemii [Text] / sost. i vstyp. st. V.G. Fridlyand. – M. : Pravda, 1986. – 480 s.
20. Svyatopolk-Mirskii, D.P. Istoriya rysskoi literatyri s drevneishih vremen po 1925 god [Text] / per. s angl. R. Zernovoi. – 2-e izd. – Novosibirsk : Svinin i sinovya, 2006. – 870 s.
21. Solovev, V.S. Yakov Petrovich Polonskii [Electronic resource] // Enciklopedicheskii slovar Brokgayza i Efrona. – SPb., 1898. – T. 24. – S. 362. – Mode of access : <http://runivers.ru/lib/detail.php?ID=363763>
22. Tillih, P. Lubov, sila i spravedlivost. Ontologicheskii analiz i primenenie k etike [Electronic resource]. – M. ; SPb. : Centr gymanit. iniciativ, 2015. – 128 s. – Mode of access : <http://fictionbook.ru/static/trials/12/15/67/12156775.a4.pdf>

23. Thorjevskii, S.S. Visokaya lestnica [Text] // Portreti perom: istoricheskie povesti. – L. : Sov. pisatel, 1984. – S. 363–542.
24. Fedyanova, G.V. Stihotvorenie Ya.P. Polonskogo “Na Chernom more”: motiv “tishini” v literatyrnoi perspektive [Text] / G.V. Fedyanova, T.P. Batalova // Ya.P. Polonskii: tvorchestvo, sydba, epoha : sb. st. – Ryazan, 2015. – S. 180–187.
25. Fridlyand, V.G. Poet serdechnoi i grajdanskoi trevogi [Text] // Polonskii, Ya.P. Stihotvoreniya i poemi. – M., 1986. – S. 3–26.
26. Eihenbaym, B.M. Skvoz literatyry [Text] : sb. st. – L. : Academia, 1924. – 280 s.
27. Epshtein, M.N. Ontologiya lubvi: Edem v Pesni pesnei [Electronic resource] // Zvezda. – 2008. – N 3. – Mode of access : <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/3/ep15.html>
28. Epshtein, M.N. Slovo i molchanie: metafizika rysskoi literatyri [Text]. – M. : Vissh. shkola, 2006. – 559 s.
29. Ya.P. Polonskii: tvorchestvo, sydba, epoha (posvyashaetsya 195-letiu so dnya rojdeniya poeta) [Text] : sb. naych. st. po materialam mejdynar. naych.-prakt. konf. / sost. i naych. red. T.V. Fedoseeva ; Ryaz. gos. yn-tenimi S.A. Esenina. – Ryazan, 2015. – 356 s.
30. Egeberg, E. The Poetry of Jakov Polonskij [Text] // Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies. – 2002. – Vol. 5. – P. 46–54.

T.V. Fedoseeva

THE ONTOLOGY OF LOVE IN J.P. POLONSKY’S EARLY VERSE

The paper analyzes the ontology of love in J.P. Polonsky’s early verse (1840s – early 1850s), an issue which has never been researched before. The paper analyzes the verse collections “Scales” (1844), “Verses of 1845” (1846), “Sazandar” (1849), “A Few Verses by J.P. Polonsky” (1851) to research into the peculiarities of transforming life impressions into artistic images rich in routine and ontological sense. Both J.P. Polonsky and his lyrical character treat love as an eternal and temporal, transient and imperishable entity, an issue as important as life and death. Romantic love is expressed through classical literary motifs and images (“Night Shadows”, “Diamea”, “Hero”, “Old Sazandar”). Analyzing the plot of an unfinished cycle (“Farewell”, “Beacon”, “The Last Conversation”, “A Letter”, “A Loss”), the author singles out motifs of unexpressed feelings, unattainable happiness, unrevealed love. In J.P. Polonsky’s verse, romantic love is opposed to selfish love (“Don’t Wait”, “Agbar”, “Tamara and her poet Shot Rustaveli”, “Leaving the Caucasus”). The analysis of J.P. Polonsky’s verse shows that his understanding of love is close to Christian self-denial. The verse “The Inner Voice” is based on Gospel motifs. The ontological analysis of some poems focuses on such categories as humanism, acceptance of everyday life, spiritualization of life. The author maintains that in his early poems, J.P. Polonsky focuses on the spiritual search for ideal absolute harmony.

J.P. Polonsky, early works, verse collections, the 1840s – the early 1850s, lyrical motifs and plots, ontology of love.